

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Дождь

По мокрому асфальту стучали капли дождя и каблучки. Люди торопились укрыться от лившейся с небес воды под навесами, крышами, в магазинах и переходах. Только я стоял неподвижно, подставив лицо дождю и наслаждаясь невероятным ощущением спокойствия. Меня толкали, кто-то недовольно ворчал, кто-то просто бросал на меня исполненные злости взгляды, но мне было все равно. Это же так здорово, люди, стоять вот так под плачущим небом и ощущать на губах сладковатый вкус его слез! Что же вы бежите от дождя, словно сказочная колдунья?

А я не боюсь. После того, через что я прошел, дождь это не страшно. Это настоящая благодать...

Капли падали мне на лицо, затекали в глаза и нос, наполняли рот, а я улыбался, лишь иногда моргая, чтобы стряхнуть воду с ресниц.

— Ты чего, парень? Простудишься, — над моей головой вдруг возник цветастый зонт, а возле моего уха раздался женский голос.

Я медленно опустил голову и посмотрел на нее. Чуть ниже меня ростом с большими янтарными глазами, обрамленными густыми ресницами, с чувственными губами, мягкими, словно бархатные подушечки. У нее такая белая кожа, что кажется будто она светится изнутри. На ней черное свободное пальто, на ее тонких ручках перчатки, на локте болтается маленькая сумочка с золотой застежкой в виде бабочки.

Я улыбнулся ей. Она улыбнулась мне в ответ.

— Идем скорее, а то простудишься, — повторила она, продолжая улыбаться.

Я кивнул и послушно двинулся за ней, пробиваясь сквозь бесконечный людской поток. Дождь глухо барабанил по куполу ее зонтика, отбивая какой-то диковинный ритм, а я следил голодными глазами за тем, как мерно покачивались при ходьбе складочки ее пальто, и пытался представить, как она будет выглядеть без одежды. Моя фантазия разыгралась настолько, что мой меньший брат стал заметно оттопыривать брюки. Прохожие, шедшие мне навстречу, бросали на меня негодующие, а иногда и завистливые, взгляды.

Наконец, мы выбрались из толпы и медленно зашагали вверх по тихой улице, поросшей каштанами. Теперь мы шли рядом, и я рассматривал ее лицо. Я еще никогда не видел таких красивых женщин! То есть, видел, конечно, но с тех пор, как я пришел сюда, такие красавицы мне не встречались.

Вдруг она свернула направо в маленький дворик. Я последовал за ней. Дождь тем временем перестал, и она сложила зонт, изящным жестом повесив его на запястье той же руки, на локте которой она держала сумочку.

Мы вошли в полутемный подъезд, поднялись на второй этаж. Она тихо постучала в дверь условным стуком. Замок щелкнул.

Я не сразу увидел, кто нам открыл, но я услышал ее слова:

— Я привела его.

Я машинально сделал шаг назад, когда дверь широко распахнулась, и на пороге возник Гаэр.

— Даже не надейся, — прошипел я в ответ на его широкую улыбку, — я не вернусь.

— От тебя этого никто и не ждет, — он чуть посторонился, а моя провожатая, каким-то непостижимым образом оказавшись за моей спиной, буквально втолкнула меня в темную

прихожую.

Я попытался упираться, но все было напрасно.

— Успокойся, — Гаэр положил руку на мое плечо, и его глаза вдруг вспыхнули алым пламенем, — будешь дергаться, спалю тебя заживо и найду кого-нибудь другого.

Я тяжело вздохнул и покорно пошел прямо по коридору следом за ним.

Он открыл передо мной дверь. Я послушно прошел вперед и остановился в паре шагов от порога. Гаэр вошел следом за мной. Последней вошла девушка.

— Добрый день, уважаемый... как ты себя здесь называешь? — он улыбался еще шире, чем его брат, будто встретил лучшего друга после долгой разлуки.

— Я еще не придумал себе имя, — ответил я мрачно.

— Жаль, жаль, — он притворно расстроился. А потом вновь улыбнулся, продемонстрировав свои пятисантиметровые клыки. — В таком случае буду величать тебя тем именем, которое мне назвал твой «родственник» — Сандро.

— Хоть горшком назови, только в печь не клади, — отозвался я. — Зачем эти прелюдии? Убейте меня — и дело с концом.

— Вот еще, — Гаэр протиснулся вперед к брату и улегся рядом с ним на шелковые подушки, которыми был забросан пол. — Присаживайся.

— Мы не за тем тебя искали, — кивнул Шаул. — Анастасия, будьте так любезны, принесите нам что-нибудь выпить. И подготовьтесь — нашему гостю не помешает расслабиться.

Я не шелохнулся, а половицы за моей спиной скрипнули.

— Что вам от меня нужно? — спросил я, стиснув зубы и сжав кулаки.

— Услуга. Маленькая. Это не займет много времени и не отнимет много сил, — продолжал улыбаться Шаул.

— Нужно наказать одного человека, — кивнул Гаэр.

— Даже не человека. Так, мразь подзаборная.

— Его нужно найти...

— И убить? — я опустил голову и шумно выдохнул. — Вы что, сами не в состоянии?

— В том-то и штука, что убивать его не нужно, — вдруг хором заговорили они. — Его нужно найти и напугать. Если мы сами займемся этим, мы его как раз и убьем. А ты — другое дело. Твои классовые способности не рассчитаны на убийство. Твоя стихия — страх.

— Страх тоже убивает, — буркнул я.

Разумеется, они правы. Каждый из них в десятки, в сотни раз сильнее меня. И их стихии куда мощнее моей — и огонь, и холод убивают мгновенно. Моя стихия убивает долго. Она разрушает человека изнутри, разъедает его психику, лишает возможности адекватно оценивать происходящее и, наконец, приводит его к самоубийству. (в истинной форме и вовсе похожи на драконов, только намного меньше, но их это не сильно смущает. Она улыбнулась еще шире, осторожно касаясь моей груди. Это выглядело так забавно — ее маленькие белые пальчики скользили по моей красноватой коже, как хлопья вулканического пепла кружат над остывающей лавой. Я взял ее ручку и поднес к своим губам, стараясь не поранить ее клыками. Она коснулась пальчиками моих зубов и чуть отстранилась от меня:

— А у их отца клыки больше... — с улыбкой заметила она.

Я вздохнул. Конечно, больше! Он и сам побольше меня будет — в истинной форме его рост достигает десяти футов, плюс рога. Да и плечи у него пошире. А когти! Я однозначно проигрываю ему по всем параметрам — каких-то несчастных пять с небольшим футов роста,

полное отсутствие когтей и рогов, чешуя на голове вместо волос...

Его истинная форма внушает страх каждому, кто его видит, а моя в лучшем случае вызывает снисходительную улыбку.

Я снова судорожно вздохнул и сел, обхватив колени руками.

Она села рядом со мной и участливо заглянула мне в глаза, положив руку мне на плечо:

— Прости, я не должна была...

— Это ты меня прости, — улыбнулся я. — Демон страха, который не может справиться с собственными комплексами, это смешно.

— Дем, — она провела рукой по моему плечу, а я вздрогнул.

Мое имя это своеобразный пароль, код доступа к моим способностям. Особенность моего класса — в отличие от других демонов, мы можем использовать свои умения лишь в определенных случаях. Защитный механизм, в противном случае мы бы не смогли общаться с окружающими. Едва я слышу свое имя, я начинаю видеть все, что пугает, страшит, настораживает, напрягает или просто заставляет чувствовать себя неуютно моего собеседника. Проще говоря, я начинаю видеть все его страхи в любых проявлениях.

Поэтому я резко встал и отвернулся от нее.

Я не хочу знать, чего боится эта красивая женщина. Я не хочу знать, от чего она вскрикивает по ночам, какие кошмары беспокоят ее во сне и наяву. Я не желаю проникать в ее подсознание и вытягивать оттуда воспоминания и мысли, о которых она сама предпочитает не помнить и не думать. Не хочу!

— Дем, посмотри на меня, — проговорила она и коснулась моего плеча.

Я замотал головой и закрыл лицо руками. Это не поможет. Для моих проклятых глаз нет никаких преград! Стоит мне повернуться к ней лицом, и я увижу все! Нужно подождать — магия имени ослабевает со временем. Чем дольше я буду сопротивляться этому, тем меньше вероятность, что я что-то увижу. По сути, мне нужно переждать лишь десять минут. Потом снова включится блокировка, и я опять буду видеть лишь ее физическое тело — подтянутое и сексуальное с волнительными бугорками небольших грудей, округлым упругим животиком, стройными ножками, аккуратной попкой, с янтарными озорными глазами, чуть вздернутым носиком, по-детски румяными щечками и чувственным ротиком.

Я шумно выдохнул сквозь зубы и убрал руки от лица.

— Никогда — слышишь? — никогда не смей называть меня по имени, — произнес я, низко опустив голову и не оборачиваясь к ней. — Это опасно. Я могу увидеть и заставить тебя пережить все то, что тебя пугает.

— А если я хочу именно этого? — спросила она с улыбкой.

— Зачем тебе это? — я бросил один короткий взгляд искоса в ее сторону и тут же отвел глаза. Я увидел краешек ее страха. Нет, я не хочу!

— Чтобы побороть свой страх, нужно взглянуть ему в лицо, — ответила она и убрала руки с моих плеч.

— Ты не понимаешь, — я снова мотнул головой. — Одно дело человеку с арахнофобией засунуть руку в банку с пауками, и совсем другое, если свой страх он покажет мне. Я могу даже банальное волнение перед выступлением на публике превратить в причину самоубийства, довести его до такого уровня, когда человеку не останется ничего другого...

— Но ведь это подействует не на каждого?

— Нет, есть сильные духом цельные личности, которые способны противостоять своим

страхам. Но даже такие люди после встречи со мной, как правило, лишаются рассудка. А в случае с вашей семьей, с генетической предрасположенностью к психическим расстройствам, лучше вообще меня избегать. Близнецы допустили большую ошибку, найдя меня здесь, а ты допускаешь еще большую, называя меня по имени...

Я снова шумно выдохнул. Кажется, закончилось. Я украдкой посмотрел на нее. Да, я теперь вижу только ее физическое тело. Боже, как она прекрасна...

Я развернулся к ней и прижал к себе:

— Больше того, мне неприятно видеть чужие страхи. Как правило, люди боятся отвратительных вещей — змей, пауков, живых мертвецов... Конечно, все это сводится к страху смерти, но в подсознании каждого человека смерть выглядит по-своему. Я не хочу знать, какую форму она приняла в твоем случае. Я не хочу видеть причину того, какая ты есть. Я хочу видеть лишь конечный результат — он меня вполне устраивает.

Она улыбнулась и потянулась губами к моим губам. Мы целовались, а я тем временем стягивал с нее тунику. Ее кожа была такой теплой и бархатистой, ее прикосновения были такими нежными и точными, что я закрыл глаза и сосредоточился лишь на своих ощущениях.

Ее ногти легко царапали мою грубую толстую кожу, ее зубки ласково покусывали мое жесткое заостренное ухо, а теплые ладони то и дело пробегали по чешуе на голове.

Я тоже старался быть нежным, но, видимо, некоторые мои движения все же доставляли ей боль — она громко вскрикивала. Тогда я останавливался, спрашивал, что я делаю не так, но она не отвечала, а лишь впивалась в мои губы поцелуями. Наверное, мой меньший брат несколько великоват для нее. Мда, надо было сохранить человеческую форму — в ней у него и размерчик поменьше, человеческий...

Но вот ее ножки крепче обхватили мою талию, а ногти глубже впились в мои плечи. Она приподнялась над полом, выгнула спинку, а я сильнее прижал ее к себе, почти позабыв о том, что мое достоинство было для нее слишком длинным, и с почти звериным рыком кончил. Она тоже закричала, да так громко, что мне казалось, у меня вот-вот лопнут барабанные перепонки.

Через пару минут она затихла, обмякла. Я тоже расслабился и аккуратно уложил ее на подушки. На внутренней стороне ее бедер я заметил капли крови.

— Тебе больно? — спросил я с тревогой.

Она улыбнулась:

— Это ничего. Рожать больнее...

Я нежно коснулся губами ее груди и вышел. Мое семя, розоватое от ее крови, медленно стекало по ее промежности на пол.

— Прости, я... я не хотел делать тебе больно... — я провел рукой по ее животу сверху вниз.

— Не переживай, — она блаженно прикрыла глаза, — мне было хорошо...

Я лег рядом с ней и положил голову на ее плечо.

За окном заметно стемнело. Крупные капли дождя горошинами бились в стекла, а сильный ветер безжалостно трепал кроны каштанов. Они жалобно трещали и хлопали мокрыми листьями.

— Дем, — снова проговорила она. Я перевернулся на спину и стал рассматривать потолок. — А ты можешь... лишить человека страха?

Я кивнул:

— Но я этого делать не буду. Страх кроется в памяти, в опыте. Лишить человека страха, значит, отобрать его память. Отобрать у человека память, значит, подорвать саму основу его личности. Мы становимся теми, кто мы есть, в результате того, что мы переживаем, как мы на это реагируем, и что мы об этом помним. Все события и мгновенные реакции уходят в небытие. С нами остается только память. В памяти все — детские сказки, руки матери, голос отца, лица друзей и знакомых, слова, мысли, чувства, эмоции и, разумеется, страхи. Изъять из памяти что-то одно, например, только страх, невозможно. Неизбежно будут задеты и другие аспекты. Забудется что-то, что является основополагающим для твоей личности. И ты станешь кем-то другим. В этом нет ничего хорошего. А даже если я отниму только страхи — допустим, у меня это получилось — ты все равно станешь другой. Например, ты боишься высоты, поэтому ты не станешь лезть без страховки на высокую гору. Но вот я убрал из твоей памяти некое событие, которое стало источником этого страха. Ты пошла одна в горы и сорвалась в пропасть. Хорошо это? — я невольно посмотрел на нее.

Она не боится высоты. Она боится потерять доверие сына. Ее страшит смерть от ран и болезней. Ее пугают звуки, доносящиеся по ночам с улицы. Ее самый страшный кошмар — когда ее родной сын вонзает ей нож в спину. Я снова отвернулся.

— А то, чего боишься ты, я и вовсе не стал бы убирать. Это естественный страх для любой женщины, которая растит ребенка одна. Но бояться тебе нечего — твой сын не станет делать ничего такого. Ты хорошая мать, и он об этом знает...

— Ты... ты успокоил меня... Спасибо тебе, — она поцеловала меня в плечо, и ее ручки обвилились вокруг моей талии. — Спокойной ночи.

Я провел кончиками пальцев по ее волосам:

— Спокойной ночи...

Я сидел в маленьком полуподвальном кафе у окна, которое выходило на тротуар центральной улицы. На уровне моего лица пробегали, проходили, проносились сотни ног — мужских и женских, стройных и обрюзгших, с жуткими язвами и воспаленными венами, молодые и старые, в брюках и юбках, в ботинках, туфлях, сапогах. Вот мимо протарахтели мелкие колесики детской коляски, за ними прямо по лужам прошли маленькие ножки в цветастых резиновых сапожках, следом важно прошагали полные женские ноги в элегантных, но не новых туфельках на небольшом каблучке. Навстречу им прошаркали мужские ноги в мешковатых брюках и стоптанных ботинках. Рядом с ногами мерно постукивала деревянная клюка, безбожно не попадая в ритм падавших с неба капель. Потом напротив окна остановились молодые сильные ноги в грязных кроссовках и темно-синих джинсах с обтрепанными штанинами. Ноги прошли вперед, назад, затем вернулись на прежнее место, немного потоптались, видимо, ожидая какие-нибудь красивые ножки в сапожках и мини-юбке. Скоро такие ножки, только в полуботинках на невысокой танкетке, подбежали к ногам в джинсах, встали на носочки, а затем обе пары ног неспешно удалились вверх по улице.

Я, не торопясь, потягивал свой кофе и ждал. Он должен был явиться с минуты на минуту.

Вдруг большая крепкая рука легла на мое плечо. Я отставил чашечку на блюдце и с отсутствующим видом посмотрел в окно.

— Я не боюсь тебя, — тихо проговорил низкий с хрипотцой мужской голос над самым моим ухом.

Я не ответил.

Он отпустил мое плечо и сел на стул напротив меня.

— Я не боюсь тебя, Дем, — проговорил он, а я ухмыльнулся, все еще глядя в окно.

А затем медленно перевел взгляд на него.

Не надо меня бояться. Бойся чего-нибудь другого. Я найду, как к этому подобраться.

И тут его память предстала передо мной, как карта полушарий. Разноцветные пятна, яркие и радостные — воспоминания последних дней. Чуть поблекшие, размытые — образы последнего года. А под ними — черно-серые воспоминания детства.

Я извлек самое черное пятно — нечто, о чем он пытался забыть — расправил его, разложил перед своим мысленным взором и углубился в чтение. Это было отличное воспоминание — в возрасте трех лет он утопил в ванне своего младшего брата. Все тогда решили, что это была случайность, но на самом деле он сделал это специально — он ревновал и не хотел делить любовь матери больше ни с кем, и уж тем более не с этим гадким кричащим беспомощным комочком розовой плоти. Это воспоминание преследует его по сей день — о маленьком тельце, которое плавает лицом вниз в наполненной водой ванне. Ему часто снится, как крошечный трупик поднимает свою покрытую темными мокрыми волосиками головку, улыбается беззубым ртом и тянет к нему свои ручки, будто зовет с собой. Он просыпается в холодном поту, когда вода вокруг мертвого младенца становится кроваво-красной и начинает бурлить и дымиться.

Я выдохнул и заставил образы в его памяти ожить, зашевелиться, заговорить.

В его глазах вспыхнул неподдельный ужас, губы задрожали, щеки побледнели и посерели.

Я медленно поднялся со своего места, похлопал его по плечу и вышел на улицу.

Дождь усилился. Капли тарабанили по асфальту, почти не переставая.

Я перешел через дорогу, сел на бордюр и достал из кармана сигареты.

— Я знал, что на тебя можно положиться, — рядом со мной сел Шаул.

— Не стоит благодарности, — ответил я, безуспешно пытаясь раскурить сигарету.

— Ты все сделал правильно, — похлопал меня по плечу Гаэр и поднес указательный палец к кончику моей сигареты. Он тут же вспыхнул. Я затаился.

— Теперь я свободен? — спросил я.

— Разумеется, — улыбнулся Шаул.

Я поднялся на ноги.

— Еще раз извинитесь за меня перед Леди Анастасией, — сказал я, развернувшись к остановке автобуса.

— Ты не хочешь попроситься с ней? — посмотрел на меня Гаэр.

Я мотнул головой.

— И не хочешь знать, как она? — поинтересовался Шаул.

Я снова мотнул головой.

— Надеюсь, я не сильно поранил ее, — тихо проговорил я.

— Все в норме, — со смехом ответили близнецы. — Не ты первый.

Я вздрогнул, и мои кулаки сжались сами собой.

— Не смейте так отзываться о ней, слышите? — вдруг со злостью воскликнул я и развернулся к ним. — Она мать вашего брата! Вы должны относиться к ней с уважением, каким бы ни было ее прошлое! Это вообще не ваше дело! Сейчас она мать, она дала жизнь человеку. За одно это она достойна уважения и почтения!

Они переглянулись и уставились на меня в недоумении.

— И она отличная мать, — добавил я тихо и отвел глаза в сторону. — Многим о такой только мечтать...

— Ты прав... — они тоже опустили головы после молчания, затем развернулись и растворились в толпе.

А я двинулся в противоположную сторону...

Ночью мне в который раз приснилась мама. Она протягивала ко мне руки, спускаясь по какой-то светящейся лестнице, улыбалась, и с каждым шагом ее лицо все больше напоминало лицо Анастасии